

Нэнси Шилдс Коллманн

Рец. на: Очерки истории уголовно-исправительной системы /
Под ред. С.С. Выхоря, А.В. Сумина. Иваново: ПресСто, 2019. 468 с.*

Nancy Shields Kollmann
(Stanford University, USA)

Rec. ad op.: Ocherki istorii ugovovno-ispravitel'noy sistemy. Ivanovo, 2019

DOI: 10.31857/S0869568722040239, EDN: JBQMPD

История русских уголовно-исполнительных норм и практик представляет большой интерес для исследователей, особенно ранние её этапы, недостаточно разработанные в историографии. Поэтому выход коллективной монографии, посвящённой системе исполнения уголовных наказаний в России, начиная с домонгольского периода и заканчивая серединой XIX в., является весьма актуальным. В предисловии к изданию начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России А.П. Скиба предложил рассматривать его в контексте текущих проблем, связанных с модернизацией уголовного права и практики в России.

К счастью, авторам книги не пришлось связывать свои работы с проблемами сегодняшнего дня. Они позволили истории говорить самой за себя. Авторский коллектив, представленный сотрудниками воронежских и других региональных вузов, а также московских университетов и исследовательских институтов, несомненно, сформировался под влиянием идей декана исторического факультета Воронежского государственного университета В.Н. Глазьева. Его работы, в том числе новаторская монография

«Власть и общество на юге России в XVII веке»¹, доказали ценность использования местных архивных дел для раскрытия фактического функционирования «автократического» государства. Авторы монографии также поставили цель продемонстрировать ценность местных архивных источников. Действительно, в книге опубликовано более 50 документов о заключении, ссылке и побегах из тюрем. Для написания очерков привлекались материалы областных архивов Воронежа, Липецка и Нижнего Новгорода, а также РГАДА, РГИА, ЦГА Москвы и СПБ ИИ РАН.

Приоритетное внимание в монографии уделено двум темам: применению смертной казни (от Киевской Руси до XVIII в.) и практике лишения свободы. Часть очерков представляют собой своего рода краткие микроистории, т.е. развёрнутые рассказы, в других общая тема подкреплена авторскими аргументами и приводится множество кратких примеров из судебных дел и других документов. Из книги становится ясным, что «тюремная» система Русского государства радикально отличалась от современной. «Лишение свободы», как правило, являлось не наказанием, назначаемым су-

* Книга издана при финансовой поддержке Воронежского института ФСИН России.

Перевод рецензии: Мурсалимов Константин Александрович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербург; Марков Александр Сергеевич, Воронеж.

дом, а временным заключением. Дело в том, что законы о грабежах 1550-х гг. и Соборное уложение 1649 г. предусматривали тюремное заключение за тяжкие преступления в дополнение к телесным наказаниям, но я обнаружила, что суды пренебрегали тюрьмой и немедленно назначали телесные наказания, а в XVII в. — ссылку².

Заключение использовалось в основном во время судебных процессов, но применялось и для других целей. Так, М.В. Моисеев напомнил, что в XVI и XVII вв. дипломатической неприкосновенности не существовало (с. 220–228). В его подробном обзоре, а также в исследованиях А.В. Белякова и А.В. Топычканова показано, как ссылка и тюрьма использовались в качестве инструмента дипломатических переговоров. А.В. Морохин и А.В. Сироткин, рассказывая о содержании в Кирилло-Белозерском монастыре нижегородского митрополита Исая в 1708–1720 гг., подчеркнули, что длительное заключение назначалось судом в качестве наказания по делам, связанным с моральным испулением (с. 272–276).

Монастыри часто использовались как тюрьмы, поскольку они обеспечивали более жёсткий и строгий контроль. На это обратил внимание Морохин в исследовании о деле нижегородских старообрядцев. В качестве альтернативы элиту часто отправляли в монастырские «тюрьмы», поскольку они считались «самыми суровыми по сравнению с другими местами заключения» (с. 342). Так, сибирский царевич Аблай бен Ишим и митрополит Исая содержались в тюрьме Кирилло-Белозерского монастыря. Учитывая неэффективность судебной системы, многие люди томились в местах заключения годами, как показано в реестре тюрем Белгорода за 1676 г., обнаруженном О.В. Скобелкиным (с. 338–341).

Как правило, в уголовной практике и законодательстве Русского государства под «лишением свободы» понималось заключение под стражу на время судебного разбирательства подсудимых, истцов и даже свидетелей, если они не были отпущены на поруки. Такая мера пресечения применялась достаточно широко и отнюдь не сводилась к помещению подследственных в специально построенных для этого сооружениях, на что обратил внимание А.В. Сумин в подробном обзоре мест заключения и их персонала (с. 175–186). Местным воеводам или губным старостам следовало построить тюрьмы — одну для правонарушений («опальную») и одну для тяжких преступлений («разбойную»), а в идеале также и с отдельными помещениями для мужчин и женщин. Как отметил Д.В. Лисейцев, в Москве в большинстве канцелярий, например, в Разрядном приказе, было выделено несколько комнат для содержания людей с охраной («за сторожем», «за решеткой», «казенка») (с. 187–195). Для некоторых канцелярий потребность в тюрьмах была значительной. Так, А.Г. Гуськов рассказал, как в XVII в. Посольский приказ в силу своей широкой географической юрисдикции возвёл специально спроектированное тюремное здание и нанял многочисленный персонал, иногда пополнявшийся московскими стрельцами (с. 196–211). Однако, по наблюдениям Е.В. Акельева, к середине XVII в. многие мелкие канцелярские «тюрьмы» объединились в Большую московскую тюрьму (с. 289–307).

Достичь цели «лишения свободы» в Российском государстве, таким образом, оказывалось сложно. В провинции было непросто содержать даже одну тюрьму. В.Н. Глазев подробно описал, как некоторые крестьяне Воронежа отказывались участвовать в строительстве такого учреждения;

деревянная тюрьма, построенная в 1628 г., к 1635 г. уже находилась в руинах, и крестьянская община согласилась лишь отремонтировать её, но не перестраивать (с. 308–319). Спустя сто лет подобная история имела место и в Ельце, где, как показал Д.А. Ляпин, в качестве тюрем приходилось использовать амбары, поскольку общины отказывались строить помещения для заключённых (с. 320–330).

Воеводы и губные старосты испытывали проблемы не только со строительством тюрем, но и с контролем над ними. Очерк А.Е. Барышниковой о каширской темнице представляет собой весьма интересное исследование о повседневных проблемах, связанных с набором кадров и управлением местной тюрьмой (с. 331–337). Крестьянские общины ежегодно предоставляли персонал для охраны, а дворянство выбирало из своих рядов начальника тюрьмы («дворского»). Однако часто общины не могли обеспечить достаточного числа охранников, и С.С. Выхорь привёл несколько примеров, когда в Москве и в уездах приходилось привлекать к этому занятию стрельцов (с. 209–211). Разумеется, такая тюремная охрана оказывалась очень ненадёжной: когда охранники бывали пьяны или подкуплены, совершить побег не составляло особого труда.

Большой проблемой оказывался и поиск палачей³. В отличие, например, от Германии раннего Нового времени и ряда других государств, где это была наследственная профессия, в России палачей также выбирала община, однако никто не хотел соглашаться выполнять такого рода обязанности. В годы правления Петра I к ней принуждали бродяг или преступников. Н.А. Комолов привёл уникальный источник — список палачей Екатеринбургского наместничества 1835 г., в котором указаны их возраст, семейное положение и другие личные дан-

ные. Практически все перечисленные в списке взялись за работу, чтобы избежать телесных наказаний, и отработали на удивление долго (с. 116–127).

Общины изо всех сил отбивались и от продовольственного обеспечения заключённых. О.И. Куприянова показала, что за содержание в тюрьме обвиняемого должника в XVIII в. отвечал его кредитор, но, как правило, обеспечивать ежедневное содержание арестантов должно было государство. Еды обычно не хватало, поэтому семьям разрешалось приносить провизию, а заключённых выводили на улицу для сбора милостыни (с. 212–219). Это не добавляло порядка в учреждениях, где и без того отсутствовала строгая дисциплина. Топычканов продемонстрировал, как окружение посла в Галиче жило на постоялом дворе, ходило по округе с ножами и покупало меха на рынке (с. 258–271); Акельев описал, как охранники и заключённые вместе пили в кабаках возле Большой московской тюрьмы (с. 289–307).

Одно из больших преимуществ использования локальных источников — получение самых неожиданных данных, которые нельзя увидеть сквозь призму формального законодательства. Глазьев, Сумин и Ляпин отметили, что тюремные сообщества самоорганизовывались, выбирая заключённых, находящихся под стражей дольше всего, старостами и собирая средства на общие нужды. По мнению Ляпина, старосты часто улаживали споры между арестантами, чтобы лишний раз не привлекать внимание чиновников (с. 320–330). Барышникова продемонстрировала сотрудничество губных старост четырёх городов — Кашир, Серпухова, Коломны и Зарайска (с. 331–337), тогда как Глазьев показал напряжённость между воеводами и губными старостами в Воронеже (с. 308–319).

М.Н. Фурсов, определяя местонахождение крупных тюрем Москвы, использовал археологические находки кандалов (иллюстрации 3–20). Судя по его комментарию о том, что каждый набор изготовлен индивидуально, а не стандартизирован, кузнецы, как правило, создавали предметы на заказ (с. 277–288). Увлекательная статья А.И. Папкова о волнах миграции украинцев на восток, спасающихся от потрясений эпохи, которую украинская историография называет «Руиной», показывает, насколько сложно было интегрировать этих независимо мыслящих «черкасов» в русскую службу. После их неоднократных побегов местные власти обнаружили, что далёкая ссылка оказалась лучшей альтернативой для этой части населения, чем тюрьма (с. 348–362). Иногда источники раскрывают удивительные подробности. Папков, например, подробно описал культурный конфликт, связанный с обязанностью жены присоединиться к мужу в изгнании, а в очерке Белякова приводится история о том, как царевич Аблай, находившийся в ссылке на Белоозере, получил от своей супруги косу и отправил ей взамен свою (с. 252).

Очерки рецензируемой коллективной монографии затрагивают и другие важные проблемы. Так, П.В. Лукин убедительно показал, что в Киевской Руси смертной казни как таковой не существовало, хотя некоторые своды законов допускали процессуальное убийство виновного семьёй жертвы. Казнь как приговор, налагаемый государством, фигурирует в сборниках законов городских общин, связанных с балтийским торговым миром (Псков и Двина), начиная с конца XIV в., и окончательно такая мера наказания закрепилась в Судебнике 1497 г. (с. 14–51). Интересны и статьи об этимологии термина «тюрьма». А.В. Сумин и В.В. Тишин согласны с тем, что

это слово произошло не из немецкого и не из турецкого языков. Но, как отметил Сумин, этот термин мог быть принесён итальянцем, прибывшим в Москву (также можно упомянуть диаспору греков, живших в Италии) во времена Ивана III (с. 128–174).

Разница между убийствами в Киевской Руси и «смертной казнью» заключается в государственном аппарате, который Д. Кайзер назвал «триадным» соблюдением государственных интересов. Судебный аппарат государства должен был включать писаный закон, суды и должностных лиц для надзора за судебным процессом и наказанием. Всё это возникло во времена Ивана III и является характерной чертой раннего Нового времени. Однако нельзя сказать, что до появления «триадного» государства преступников не казнили. В частности, о казнях при дворе монгольского хана рассказал Ю.В. Селезнёв. Он описал ритуальные аспекты монгольского суда – казни безлунными ночами, убийства без пролития крови и др. (с. 51–88).

Часть очерков посвящены истории XVIII в. Так, Акельев продемонстрировал, что вид и вопли голодных заключённых, просящих милостыню в окровавленных после пыток рубашках, были «нормальным» зрелищем в Москве примерно до 1740-х гг. В 1750-х гг. дворцовое ведомство приказало перенести Большую московскую тюрьму, расположенную у кремлёвских стен, на окраину города. Новый тюремный ансамбль было велено построить без окон на улицу; персонал, включая палача с его инструментами (кнут, батоги, кандалы, штампы для клеймения), следовало скрывать от общества (с. 289–307).

Исследование Е.Н. Марасиновой о «моратории» императрицы Елизаветы на смертную казнь связывает Россию с тенденциями, имевшими место в европейских государствах, в частно-

сти, с появлением гуманистических ценностей. Марасинова не говорит о том, что российский «мораторий» на казни был вдохновлён только «цивилизованными ценностями». На Елизавету могли повлиять её религиозные сомнения, или она могла понять, что запрет являлся хорошим решением для элиты, которая только что посадила её на трон. Но Сенат действовал «прагматично». Когда он, наконец, отреагировал на приказ императрицы прекратить «естественные» казни, они заменили континуум наказаний от символического лишения статуса и чести для элиты («политическая смерть» по терминологии Марасиновой) до клеймения, ссылки и каторжных работ для простолюдинов (с. 89–127).

Очерк Марасиновой, как и многие иные в рецензируемой коллективной монографии, примечателен и в другом смысле. Все они показывают, что «отмена» смертной казни, по сути, не была процессом. Это решение продвигалось медленно — от желаний императрицы в 1740-х гг. к скупым ответам Сената десять лет спустя, без публичных заявлений, без окончательных определений и с полной непоследовательностью терминологии. Марасинова демонстрирует хаос уголовно-правового законодательства на самом вершине, в то время как большинство других авторов обращают внимание на аналогичный беспорядок в исполнении законов на местах, в московских тюрьмах или провинциальных приказных избах.

Но представленная монография показывает, что претворить в жизнь такое «автократическое» единообразие было сложно, будь то в приказной избе или во взаимоотношениях между Сенатом и императрицей. Это не означает, что Россия не являлась «автократией», скорее, «автократия» оказалась более сложной и динамичной, нежели предполагает этот термин. Исследования, подобные рецензируемому, ставят под сомнение общепринятое мнение и предоставляют основанные на фактах картины более сложной и открытой исторической реальности.

Изучение смертной казни и тюрем в России раннего Нового времени может не иметь прямого отношения к интересам Федеральной службы исполнения наказаний России, оно даёт мало прямых моделей для современной пенитенциарной системы. Однако рецензируемое издание заложило прочную основу для более тонкого понимания российской судебной системы и исторического прошлого.

Примечания

¹ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

² Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / [Пер. с англ. П.И. Прудовского и др.]. М., 2016.

³ Schrader A.M. Languages of the lash: corporal punishment and identity in Imperial Russia. DeKalb (Ill.), 2002.